

ОРЕЛ. И отрекаются, любя

В канун 200-летия со дня рождения И.С. Тургенева в Орловском государственном театре «Свободное пространство» состоялась премьера спектакля «Месяц в деревне» с подзаголовком «из жизни отдыхающих», поставленного по одноименной пьесе всемирно известного русского писателя. Режиссер — Галина Зальцман. Художник — Елизавета Дзудева.

Нескучная классика. В фильме Ренаты Литвиновой «Богиня: как я полюбила» одна из героинь, взрослая женщина с богатым жизненным бэкграундом, говорит о любви так: «В общем, любовь — это что-то такое... ну не мясо... но что-то кровавое». «Так вот оно, это страшное чувство», — как бы эхом вторит ей Наталья Петровна из «Месяца в деревне».

Вы обращали внимание на то, что слова «страсть» и «страшно» — однокоренные?

Спектакль театра «Свободное пространство» о таинственной природе ду-

ши, о трагической мимолетности счастья, которое, как кошку Киплинга, что гуляет сама по себе, на самом деле, нельзя приручить. Повествование следует за писательскими размышлениями о жизни, этически и эстетически развиваясь в системе координат Тургенева, где любовь и природа, являющаяся метонимией мирозданию, — основополагающие ценности, взаимосвязанные и взаимообусловленные.

Тургенев не занимается строительством концепций и пестованием идей, не участвует в вечных идеологических баталиях, зато в его произведениях есть жизнь, объем и мудрый взгляд на происходящее.

Тургенев писал Флоберу: «Я полагаю, что только любовь вызывает такой расцвет всего человеческого существа. Ни что другое, не правда ли?»

Любовь по Тургеневу — средоточие всех жизненных сил, основной двигатель творчества, при этом ее развитие и воп-

Наталья Петровна — Е. Симонова, Вера — Н. Билык

Лизавета Богдановна — М. Козлова, Шпигельский — С. Козлов, Раkitин — М. Громов

лощение не имеет ничего общего с привычными благополучными любовными отношениями. Любовь тургеневских героев отмечена подспудным трагизмом, расставание неминуемо. Эротическая двойственность, развитое чувство собственной индивидуальности, понимание любви как всепоглощающего счастья, как «чувства, на котором отблеск самой вечности», делает обычное счастье и любовные отношения, которыми довольствуется большинство, непривлекательными для тургеневских героев. Абриз этой коллизии отчетлив как в пьесе «Месяц в деревне», так и в спектакле.

Наталя Петровна (**Елена Симонова**), замужняя дама, умная, красивая, несколько скучающая. Влюбляется, как кошка, говорят в народе, в студента Алексея Беляева (**Андрей Григорьев**). Им же всерьез увлекается и воспитанница Натали Петровны — Верочка (**Наталя Бильк**). Наблюдать за их любовной горячкой вынужден Раkitин (**Максим Громов**), давний, преданный поклонник Натали Петровны. Мужу главной героини (**Дмитрий**

Литвинцев) в этой чувственной партии отведена роль шахматного короля — фигуры номинально важной, но по факту самой уязвимой и неманевренной.

Перед нами ситуация женского соперничества (к данной теме Тургенев не раз обращался в своем творчестве), а точнее: женская дуэль, временами напоминающая бои без правил.

Временные рамки происходящего сдвинуты примерно на столетие вперед. Музыкальное оформление, костюмы актеров намекают на вторую половину XX века, но именно намекают, а не строго хронометрируют. Локация тоже претерпела изменения: действие разворачивается не в дворянской усадьбе, а на морском побережье, и тургеневские персонажи развоплощаются в праздных отдыхающих. Полупустое пространство сцены решено в прозрачных холодных тонах. Открывшаяся перспектива выглядит романтически пасторально. Белое полотно над сценой послушно трансформируется в парус, в облако, тент. Много воздуха и света, в котором то покажется

«Месяц в деревне»

огромная безмолвная царь-рыба, то чайки о чем-то напомнят, то набегит теплый летний дождь.

Впрочем, дождь не одаряет прохладой душные летние вечера и не охлаждает героев. «А вы видали, как кружево плетут? В душных комнатах, не двигаясь с места... Кружево — прекрасная вещь, но глоток свежей воды в жаркий день гораздо лучше», — говорит Наталья Петровна Ракитину. И этот глоток воды, откровенно говоря, встраивается в один ассоциативный ряд с пресловутым стаканом воды Александры Коллонтай.

Тут все испытывают жажду: «Мне необходимо уехать... я чувствую, что я ни за что отвечать не могу... — твердит Беляев. — Я не хочу вас обманывать, Вера Александровна: мне страшно, мне жутко здесь остаться... Я не могу ни за что отвечать...»

Морализировать над поступками людей, мотивы которых лежат в иррациональной области чувств и эмоций, никто не запрещал, но всякий раз в ответ будешь наталкиваться на контраргумент: «А судьи кто?»

Вроде бы, с одной стороны, и прав Суворин, говоря нелюбезные вещи о героях Тургенева: «Вот барыня, скусающая и млеющая, влюбляющаяся то платонически, то совсем не платонически и в течение пяти актов болтающая о прелестях любви и ставящая перед собою вопрос: изменить мужу или не изменить? Вот Ракитин, один из тех господ, которые «волочатся за природой, как раздушенный маркиз на красных каблучках за хорошенькой крестьяночкой»... Вот студент Беляев, скромный, застенчивый, в которого все влюбляются, но он не смеет любить, хотя любит».

И еще более прав Чернышевский в статье «Русский человек на randevу», написанной по прочтении тургеневской «Аси», выводы которой, не самые комплиментарные, характеризуют и других персонажей Тургенева, и вообще русского человека как психотип.

Чернышевский отмечает в персонажах мужчин неспособность что-либо довести до конца, неконкретность, нежелание брать ответственность. Вслед за тем кри-

тик заключает, что тургеневские персонажи таковы, потому что мы таковы.

И если подойти с той же оптикой к ситуации «Месяца в деревне», то, пожалуй, мы отчасти согласимся с Суворинным, и найдем, что сюжет соответствует жанру, предписанному произведению самим Тургеневым — жанру комедии: перед нами чуть дурновкусный курортный роман, цветущая дама с избытком здоровья, пара рискующих впасть в водевильность любовников и растерянный муж, который, кажется, готов оправдываться в том, что ничего не знает, ибо свечку не держал.

В спектакле тоже есть этот прямолинейный, без экивоков, взгляд на вещи: периодически цитируемый трек из советской телепередачи «В мире животных» наводит на очевидные аналогии. Стиральная машина, будто из заставки пошловатой передачи «Большая стирка», присутствующая на авансцене в моменты наибольшего душевного напряжения, подчеркивает поверхность, отсутствие искренности, которая, вероятно, должна бы сопровождать ожидаемую глубину чувств.

Стиральная машина в контексте финального объяснения Натальи Петровны с Беляевым и последующей сцены взаимного приятия, напомнила мне лучшую в мировой литературе сцену любовного объяснения из романа Флобера «Госпожа Бовари», происходящего во время открытия сельскохозяйственной выставки, где любовные признания Родольфа перемежаются с доносящимися с трибуны словами мэра об удобрениях и плодородности почв.

К слову, роман Флобера был написан позднее «Месяца в деревне», и значительное влияние на него оказало новаторство Тургенева в области романной формы.

В то же время, Наталья Петровна, действительно, яркая, необычная натура, достойная интереса и любви. Надо принять в расчет и то, что описанная история имеет определенную автобиографическую основу, поэтому образ главной героини овеян для Тургенева особой теплотой.

Актриса М.Г.Савина вспоминала: «Наталья Петровна существовала и в действи-

тельности. Теперь я забыла ее фамилию, но в Спасском Тургенев показывал мне даже портрет ее. И прибавил при этом: Ракигин это я. Я всегда в своих романах неудачным любовником изображаю себя». А после спектакля, где Савина играла роль Веры, Иван Сергеевич говорит ей следующее: «Неужели эту Верочку я написал?!.. Я даже не обращал на нее внимания, когда писал... Все дело в Наталье Петровне...»

Любовь Ракигина платоническая, потому что он более идеалист, нежели практик, как, впрочем, и любой настоящий художник, как и сам Тургенев. Его любовь к Полине Виардо длилась 40 лет, но точно неизвестно, были ли они близки, есть лишь предположения. Тем не менее, чувства к этой женщине, рыцарственное обожание он пронес через всю жизнь. Таким же был и Гончаров — он не женился, но создал удивительные женские образы, был философом, тонким психологом и прекрасным художником любви.

Тонкость и идеализм Ракигина, страстность Натальи Петровны подчеркиваются на контрасте грубым практицизмом и приземленностью Шпигельского (**Сергей Козлов**) и милой немудреностью Лизаветы Богдановны (**Мария Козлова**).

Самое слабое звено среди персонажей мужчин — Беляев, бескрылый эрос, сбжавший «от греха подальше», не нашедший в себе смелости попроситься с любовницей, и все, что Наталья Петровна получила от него напоследок: не «прости-прощай, милая-любимая», а канцелярское «богатая барыня».

Хотя по-своему молодой человек тоже прав: не он был инициатором романа. Кроме того, он понимает, что, как только ей покажется недостаточным его красоты и молодости и захочется большего (а других достоинств у него нет), она оставит его точно так же, как в один момент в сердце своем отказалась от Веры — предала ее.

Беляев не только не герой романа Наталья Петровны, но даже не герой беззащитной сироты, которая пострадала, как водится, сильнее всех, получив вместо заботы предательство и манипуляцию.

Надо ли делать некие выводы из прочитанного и просмотренного? Читатель и зритель решает сам. Тургенев же, интеллектуал, тонкий эстет, поэт, просто предлагает нам посмотреть красивую и откровенную историю о том, как любовь одерживает победу и над исключительными натурами.

Страсти людей, у которых «все горело светло. Только этого мало», у которых «к

предательству таинственная страсть» туманит их очи, имеют единственный источник — это любовь.

«У меня только одно извинение, Алексей Николаич... — говорит Наталья Петровна. — Все это было не в моей власти».

Инга РАДОВА

Что такое «Муму»?

Безмолвие — это когда не хочется говорить? Когда нечего сказать? А, может, когда слова попросту не нужны?

Премьера **Орловского государственного академического театра имени И.С. Тургенева «Безмолвие»** по повести «Муму» стала особой в череде юбилейных поводов и событий. Ее, какую-то простую, близкую сердцу, искреннюю, добрую, ни на какие лавры оригинальности и медные трубы славы не претендующую, можно смело назвать одним из лучших спектаклей по произведениям Тургенева, которые сегодня идут на сценах орловских театров.

На пронзительно-светлой волне премьеры громких слов и красивых эпитетов абсолютного не хочется. Очевидно, это тот самый случай, когда мудрое молчание — золото, а постановка сама обязательно найдет кратчайший путь в кладовые сердца и чертоги разума. Поэтому — лишь штрихами, не озвучивая всех секретов и открытий режиссера, исполнителя главной роли **Антон Карташева**.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ

Спектакль создан при поддержке Минкульта РФ и СТД России. Об этом упоминаю без восторженно благоговейного трепета, а исключительно из благодарности за то, что содействие находят не только скандальные проекты, но и нечто такое «о душе».

Со школьной скамьи знающим печально-несправедливую историю глухонемого дворника нетрудно угадать понятные ограничения речевой характеристики героя. Предположение верно лишь отчасти.

Спектакль густо населен звуками, словами, музыкой, насыщен красками, отблесками, символами. Его концентрированность, многообразие, естественность поражают своей органичностью, цельностью. Но «отзываются» здесь действительно не слова, а чувства, которые переживают герои, с которыми они борются, перед которыми отступают.

Эмоциональный размах действия натягивает плоскость малой сцены театра, как тугую тетиву лука. Герои с одинаковой легкостью передвигают массивные платформы, крупными штрихами вырисовывающие образы сценографии.

В уверенном жонглировании немногочисленными вещами сценического быта очень страшно отражается собственническая суть крепостного права — распоряжаться человеческими душами.

Причем, чем ближе человек к власти, будь то дворецкий **Гаврила (Андрей Царьков)** или Ключница (**Снежана Малых**), тем явственнее в его образе прослеживается железная скованность абсолютного бесправия. Крестьяне одеты в просторные льняные рубахи, делающие женщин отчасти похожими на лесных духов да русалок, а мужчин — на сказочных умников да дурачков.

Приближенные к власти и отравленные ею отмечены своеобразными кандалами как привычными штрихами скованности (художник по костюмам **Екатерина Камышалева**).

В спектакле представлен конфликт персонажей с миром, укладом, жизнью — острый, неразрешимый.